

УДК 94 (47).083

М.В. ШИЛОВСКИЙ

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (август 1914 г. – февраль 1917 г.)

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: istorik.novosib@gmail.com

Существенных изменений в формировании и функционировании губернаторского корпуса региона в рассматриваемое время не произошло. Начальники губерний и областей, за редким исключением, имели значительный опыт государственной службы. Они работали во время войны «на износ», действуя в пределах компетенций, определенных законом. Их управленческие подходы и стиль работы отличались. По-разному губернаторы адаптировались к военной обстановке. В повседневной деятельности они опирались на сравнительно немногочисленный аппарат губернских (областных) управлений, ощущая нехватку чиновников. На уровне уездного управленческого звена в рассматриваемый период прослеживается тенденция ухудшения состава специалистов. Здесь появляется генерация чиновников, перекочевавшая потом в советский управленческий аппарат. Существенно возросла во время войны нагрузка на полицейские органы и городское общественное самоуправление. Помимо своих основных обязанностей последние занимались расквартированием войск, размещением беженцев и военнопленных, борьбой с дороговизной и т. д. Данное обстоятельство обуславливает формирование в муниципальных структурах нового типа отечественной бюрократии, параллельно традиционной. Ее отличительными признаками становятся: служение народу (обществу), а не императору; ротация путем выборов, а не назначения; наличие лишь элементарного образования для замещения руководящих должностей. Одним из важнейших последствий войны стало повышение роли городского общественного самоуправления в социально-экономической и общественно-политической жизни страны и региона.

Ключевые слова: Сибирь, генерал-губернатор, губернатор, полицейские органы, муниципалитет, Первая мировая война.

Основной фигурой в системе дореволюционно-го местного государственного управления являлся губернатор, который управлял подведомственным территориально-административным образованием, опираясь на аппарат губернского управления и уездных исправников. Во время Первой мировой войны существенно увеличился круг должностных обязанностей начальников губерний и областей. На них возлагалось управление всеми мероприятиями, вызванными условиями военного времени: организация призыва в армию; расквартирование войск, военнопленных и беженцев; борьба с дороговизной; обеспечение семей фронтовиков и т. д. Губернаторы назначались уполномоченными по заготовкам продовольствия для нужд армии, они организовывали взаимодействие властных структур и общественных формирований в деле организации всесторонней помощи фронту. Самодержавная власть рассматривала муниципальные образования в качестве составной части органов местного государственного управления, несмотря на их автономию в формировании управленческих структур (городских дум, управ, избрании городских голов). Использование в военное время городского самоуправления в качестве низовых государственных структур дало власти аппарат, минимально по тому времени бюрократизированный. Пе-

речисленные обстоятельства обуславливают актуальность изучения состояния управленческих структур региона в избранных хронологических рамках.

За время войны властная «вертикаль» в Сибири существенно не изменилась. Об этом можно судить прежде всего по губернаторскому корпусу региона. К сожалению, я не располагаю исчерпывающей информацией на сей счет из-за неравномерности изучения жизненного пути начальников губерний и областей, но то, что есть, позволяет составить определенное представление об этом звене местного государственного управления. Итак, генерал-губернаторы Степного края назначались из числа строевых генералов – участников еще Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., командовавших дивизиями и корпусами, окончивших военные училища, т.е. имеющих среднее образование. Они находились уже на излете карьеры: Е.О. Шмитю к моменту назначения в Омск исполнилось 64 года, Н.А. Сухомлинову – 65 лет. «Штатский» иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев получил высшее юридическое образование, участвовал в реализации судебной реформы 1864 г., до назначения в Иркутск был начальником в четырех губерниях, в том числе в Тобольской. На момент вступления в должность (1910 г.) ему исполнилось 60 лет. На этом фоне его преемник 46-летний юрист А.И. Пильц таким административ-

ным опытом не обладал, и его выдвижение можно считать случайной издержкой военного времени.

Губернаторы (всего их было 12 чел.) административно-территориальных образований Азиатской России во второй половине 1914 – феврале 1917 г. в большинстве своем, за исключением статских советников Я.Г. Гололобова (Красноярск) и Ф.Ф. Чернцова (Семипалатинск), на момент назначения являлись действительными статскими советниками, имели возраст к моменту назначения 51–52 года (А.А. Станкевич, Тобольск – 45 лет, Ф.Ф. Чернцов – 39 лет, Я.Г. Гололобов – 61 год). Трое из них окончили военные училища и один техническое, т. е. получили среднее специальное образование. Но основная масса имела высшее образование, в основном университетское (И.И. Крафт окончил Археологический институт).

До назначения в Сибирь они служили в основном в качестве вице-губернаторов в губерниях Европейской России. Например, В.Н. Дудинский прослужил почти 33 года, из них 22 – в МВД, прежде чем стать томским губернатором. За исключением лютеранина Р.Э. Витте (Якутск), все были православными, женатыми, являлись потомственными дворянами, но только трое (Н.А. Ордовский–Танаевский (Тобольск), И.И. Крафт (Красноярск) и Я.Г. Гололобов) были землевладельцами, т. е. всех их можно отнести к категории мелкопоместных и беспоместных дворян, основным источником их доходов являлись должностные оклады. Для всех них характерно быстрое продвижение по ступенькам «Табели о рангах». Так, В.Н. Дудинский за пять лет (1906–1911 гг.) прошел «дистанцию» от титулярного до действительного статского советника. Исключением на этом фоне можно считать Ф.Ф. Чернцова, Н.А. Ордовского–Танаевского и Я.Г. Гололобова, занявших свои посты благодаря высоким покровителям из Петербурга.

Таким образом, губернаторы региона, за отдельным исключением, имели значительный опыт государственной службы и являлись высокопрофессиональными специалистами. Они работали во время войны «на износ». Об этом свидетельствует преждевременная смерть в возрасте 53 лет И.И. Крафта. Е.О. Шмит после освобождения от должности Степного генерал-губернатора прожил один год. Л.М. Князева через три недели после отставки в Иркутске свалил паралич. Р.Э. Витте в 53 года был признан инвалидом, не способным выполнять служебные обязанности. Личное самопожертвование способствовало укреплению авторитета высокопоставленных чиновников у местного населения. В частности, искреннее сочувствие иркутян вызвала гибель единственного сына Л.М. Князева, молодого офицера на фронте 6 августа 1914 г.

Во время войны не произошло выдвижения новой генерации управленцев, молодых и амбициозных. Губернаторы действовали в пределах компетенций, определенных законом и выйти за их рамки даже не пытались. Отличались их управленческие подходы и стиль работы. В приказах по Омскому военному округу Н.А. Сухомлинов позиционируется как многое по-

видавший и уставший от повседневности ветеран со стремлением к морализаторству. Так, 15 августа 1915 г. он сообщает командному составу объединения о результатах своей вечерней прогулки по Омску. В частности, «при дальнейшем моем следовании по городу, я встретил прапорщика 26-го Сибирского стрелкового запасного батальона Баранова, который тоже не отдал мне чести, а на мое замечание о необходимости быть более внимательным, позволил себе вступить со мной в неуместный разговор, приводя в свое оправдание различные доводы, чем высказал явное непонимание своего положения и неумение держать себя в разговоре со старшим начальником»¹.

В.Н. Дудинский «придавал большое значение поездкам по губернии, обозрению дел на местах, созданию собственного представления о жизни отдельных территорий Томской губернии» [1, с. 199]. На этом фоне И.И. Крафт «сильно возвышался над многими сибирскими губернаторами... Он служил и горел душой»². Он стремился вникнуть в сущность любого дела, решал их непосредственно сам, ежедневно принимал по 50–60 просителей. Его биографы отмечают: «Рабочий день губернатора начинался в 6 утра: в это время он обычно выслушивал рапорты полицмейстера и исправника; с 7 до 9 принимал посетителей, затем слушал доклады начальников отделений губернской администрации. Работая много сам, он требовал такой же отдачи от других. Малейших промедлений или упущений со стороны даже крупных по рангу чиновников Крафт не прощал. Многим из них он говорил: “Работать со мной не можете. Подавайте в отставку или переводитесь”» [2, с. 230].

По-разному губернаторы адаптировались к военной повседневности, пытаясь подчинить ее нуждам далекого фронта. Так, А.А. Станкевич «поддержал Главный комитет Всероссийского союза городов, считая что только совместными усилиями всей территории можно бороться с дороговизной, преодолевая сопротивление предпринимателей, заинтересованных в высоких ценах на свою продукцию и не считавшихся с трудностями военного положения в стране» [3, с. 446]. Другую позицию занял А.И. Пильц. 9 июня 1916 г. Иркутский областной комитет того же Всероссийского Союза городов направил ему докладную записку о продовольственном кризисе в Якутской области. Пакет вернули нераспечатанным с уведомлением: «Канцелярия генерал-губернатора по приказанию его высокопревосходительства имеет честь уведомить комитет, с возвращением пакета его, что главный начальник края лишен, в силу действующих узаконений, возможности входить в официальные сношения с комитетом, так как на открытие такового не было испрашено разрешения подлежащего начальства». На основании этого иркутский губернатор 21 июня 1916 г. приостановил исполнение постановления городской думы об ассиг-

¹ ГАНО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 1. Л. 137об.

² Потанин Г.Н. Памяти И.И. Крафта // Сибирская жизнь (Томск). 1914. 14 дек.

новании 8 тыс. руб. в распоряжение Комитета Союза городов. Информация о конфликте получила освещение в российских газетах. Главный комитет Всероссийского союза городов направил генерал-губернатору официальное уведомление о формально-юридических основаниях своего существования, но конфликт не разрешился до марта 1917 г. [4, с. 286, 231, 239, 270].

В повседневной управленческой деятельности губернаторы опирались на сравнительно немногочисленный аппарат губернских (областных) управлений. Так, численность штатных классов чиновников Томского губернского управления на 1 сентября 1914 г. составляла 59 чел., включая губернатора, вице-губернатора, советника, тюремного инспектора, неменных членов по крестьянским делам и воинской повинности, 17 делопроизводителей, 19 помощников делопроизводителей, бухгалтера, редактора и т. д. Согласно исследованию А.В. Палина, традиционной проблемой применительно к началу XX в. для этой структуры стала нехватка личного состава. Тем не менее «на протяжении всего периода деятельности учреждения сохранялся стабильно достаточно высокий профессиональный уровень чиновников. Примечательно, что в условиях Первой мировой войны, когда встала остро проблема нехватки квалифицированных кадров, в Томском губернском управлении большинство чиновников высшей администрации обладало соответствующими для занимаемых ими должностей профессиональными качествами. Профессионализм и энергичное участие чиновников в деятельности учреждения сыграли не последнюю роль в достижении его жизнеспособности и эффективности. Значительно поднимало авторитет учреждения в глазах населения участие многих его чиновников в общественной и культурной жизни губернии» [5, с. 145, 164, 167, 175–176].

Что касается уездного управленческого звена, то именно здесь, если судить по материалам А.П. Ермолаева относительно аппарата управления Мариинского уезда Томской губернии, прослеживается тенденция ухудшения кадрового состава чиновников. Так, на смену исправнику Б.Г. Оржеховскому – 1879 г. рождения, прапорщику, в 1907 г. переименованному в губернские секретари, потомственному дворянину, окончившему 6 классов гимназии, участнику и инвалиду Русско-японской войны 1904–1905 гг., награжденному сразу тремя знаками отличия ордена Св. Георгия Победоносца 4-й, 3-й и 2-й степени, в декабре 1914 г. приходит полицейский пристав из Томска Ф.В. Горбатов (1878–1937), уроженец Самары. Вместо подполковника К.Н. Тютюкова – 1863 г. рождения, потомственного дворянина, выпускника Иркутского юнкерского училища, уездным воинским начальником в декабре 1916 г. назначается штабс-капитан С. Тринкель – 1874 г. рождения, из мещан, окончивший Одесское юнкерское училище [6, с. 641–642, 681–683].

Следует отметить, что на уездном уровне появляются представители генерации чиновников, перекочевавшей затем в советский управленческий аппарат. Показателен пример в этом плане мирового судьи

1-го участка Мариинского уезда Д.Ф. Татаркина (1889–1966) – из мещан г. Сызрани, выпускник юридического факультета Казанского университета, с 1913 г. работавший в Томском окружном суде. После Февраля 1917 г. он избирается членом Мариинского Совета рабочих и солдатских депутатов. В июле 1919 г. призывается в колчаковскую армию писарем, а в октябре того же года перебегает к красным и зачисляется в сотрудники Челябинской губчека. С мая 1921 г. – член коллегии губчека, председатель Челябинского губревтрибунала. В последующем – прокурор Симбирской губернии, помощник прокурора РСФСР, начальник планово-производственного отделения Управления Центральными издательствами Главполитграфиздата при Совмине СССР [6, с. 661].

Существенно возросла в рассматриваемое время нагрузка и на полицейские органы, поскольку правоохранительная деятельность являлась только частью их компетенции. В обязанности чинов полиции, кроме того, входило: контроль за сбором налогов, надзор за санитарным состоянием населенных пунктов, исправностью дорог, обеспечение призыва в армию, пожарной безопасности, контроль за качеством продовольствия, торговлей и ценами, задержание бродяг и нищих, прекращение ссор и драк, надзор за ссыльными, военнопленными и беженцами. Много хлопот доставляли призванные в запасные части, которые славились пьяными дебошами, кражами и хулиганскими поступками. Для помощи в поддержании правопорядка в городах стали привлекаться воинские патрули. Во всех более-менее крупных населенных пунктах региона «пышным цветом расцвели воровство и мошенничество. Крали буквально все, что плохо лежало: деньги, продукты, скот, одежду, хозяйственный инвентарь из надворных построек и т. д. Причем существенно снизить уровень преступности полиция была просто не в состоянии, поскольку основной причиной было обнищание низших или, в современном понимании, социально незащищенных слоев населения. Увеличилось и число тяжких преступлений. Распространялись пьянство и самогоноварение. Частым, едва ли не ежедневным, происшествием стали подкинутые дети» [7, с. 126–127]. В деревне росла «дерзость и своеволие» молодежи. Распространенными проявлениями ее хулиганства были ночные хождения по улицам в пьяном виде, битье оконных стекол, поджоги и грабежи. Постепенно насилие начинает восприниматься населением как элемент повседневной жизни [8, с. 122].

С началом военных действий существенно выросла роль городского общественного самоуправления. Оно занималось расквартированием войск, размещением беженцев и военнопленных, приемом и лечением раненых, помощью семьям призванных в армию, ценовым регулированием путем таксировки (установление предельных цен на отдельные продукты), закупками продовольствия, введением и поддержанием нормированной торговли и т. д. При этом, несмотря на существенное увеличение обязанностей, городские управы продолжали состоять из нескольких чело-

век, приравненных к государственным служащим 8-го класса (коллежский асессор). Поэтому управы крупных городов региона (Томск, Омск, Новониколаевск, Красноярск, Иркутск) для организации текущей работы имели штат технического персонала в среднем по 20 чел. Отдельные функции муниципалитетов не были четко прописаны в нормативных актах, что создавало дополнительные трудности. Так, согласно Городовому положению 1892 г. городское управление имело право устанавливать цены только на мясо и печеный хлеб. Поэтому гласный Томской городской думы, журналист А.Н. Шипицын в 1915 г. сетовал: «Многие необходимые мероприятия по борьбе с дороговизной выходят далеко за пределы местного отделения городских управлений, поднимаясь до границ имперского законодательства», поэтому «борьба со спекуляцией требует установления правомочного общественного контроля над частной промышленностью и торговлей» [9, с. 32].

По социальному составу ведущие позиции в органах городского самоуправления рассматриваемого времени занимали купцы и мещане. По мнению новосибирских историков «обзор деятельности городского самоуправления в Сибири во время Первой мировой войны приводит к выводу, что оно выступало проводником государственной политики. Имея более или менее четкое представление о необходимых в связи с войной хозяйственных мерах, государство не могло их воплотить в жизнь за счет собственного государственного аппарата. Он не был ни достаточно развит, ни должным образом организован. Поэтому непосредственное воплощение предполагаемых мер правительством поручало городским думам» [10, с. 269].

В муниципальных органах, на мой взгляд, начинает формироваться новый тип отечественной бюрократии параллельно традиционному. Ее отличительными признаками становятся: служение народу (обществу, а не императору); ротация путем выборов, а не назначения; наличие лишь элементарного образования для замещения руководящих должностей. Так, в Томске на смену купцу И.М. Некрасову (1906–1914 гг.) на должность городского головы избирается врач П. Ломовицкий, в Мариинске в 1912–1916 гг. муниципалитет возглавлял Д.А. Гаврилов – выходец из крестьян, имевший домашнее образование, домовладелец; в Барнауле в 1913–1916 гг. городским головой был межевой инженер из дворян А.А. Лесневский; в Бийске в 1912–1916 гг. – купец Ф.Ф. Доброхотов. Типична в этом отношении фигура новониколаевского городского головы (апрель 1914 – март 1917 гг.) А.Г. Беседина (1864–1930). Выходец из крестьян Курской губернии, он получил домашнее образование. После переселения семьи в Оренбургскую губернию становится оренбургским мещанином, работает рассыльным, конторщиком, заведует складом. С началом строительства Транссибирской железнодорожной магистрали переезжает в Сибирь, с 1899 г. трудится подрядчиком по заготовке шпал. В 1904 г. Алексей Григорьевич оседает в Новониколаевске, где владеет недвижимостью, оцененной в 3,5 тыс. руб. Имел большую семью (10 детей) [11, с. 22–23].

Существенные изменения произошли во время войны в финансовом положении городов. Долги прежних лет составляли от 15 до 68 % бюджета, доля обязательных расходов выросла с 57 до 83 %. Покрывались военные расходы за счет сокращения гражданских, повышения оценочных сборов, квартирного налога, возмещения части расходов казной, займов у населения, банков, государства. На 1 декабря 1915 г. долги Барнаула составили 1 694 494 руб., на 1 января 1916 г. Новониколаевск задолжал 1 486 978 руб., а Курган – 882 127 руб., Тюмень на 1 января 1917 г. имела долгов на 843 718 руб., долги Омска к середине 1916 г. достигли 2 млн руб., Иркутска к концу 1916 г. – около 3 млн руб. [9, с. 178–180; 12, с. 177].

Одним из важнейших последствий войны стало повышение роли муниципалитетов в социально-экономической и общественно-политической жизни Сибири. В августе 1914 г. на Всероссийском съезде городов создается Всероссийский союз городов (СОГОР), в состав которого в 1915 г. вошло 15 городских поселений региона. В Западной Сибири координирующим центром СОГОРа стала Омская городская дума. В 1915 г. в Омске прошло два съезда объединения, рассмотревших вопросы помощи больным и раненым, размещения военнопленных, борьбы с дороговизной. На них был сформирован Западно-Сибирский областной союз городов. В апреле 1916 г. в Иркутске состоялся первый съезд городов Восточной Сибири. По мнению правоохранителей, сибирские отделы СОГОРа состояли «сплошь из левых кадетов с эсдековской окраской»³.

Наряду с участием в общероссийской организации городские самоуправления региона создали собственное формирование: Сибирское общество для помощи раненым воинам (Сибиртет). Он имел свои отделы в Барнауле, Боготоле, Мариинске, Москве, Ишиме, Кургане, Новониколаевске, Омске, Петропавловске, Тайге, Томске, Ялуторовске. Возглавили Сибиртет видные кадеты С.В. Востротин, Е.Л. Зубашев, Н.В. Некрасов. С мая 1915 г. в Азиатской России (без Дальнего Востока) начинают создавать военно-промышленные комитеты. Всего их насчитывалось 34, из которых активно действовало 22.

Возможность чаще собираться на различного рода совещаниях привела к повышению политической активности городских самоуправлений по мере затягивания войны и проявления оппозиционных настроений. В Кургане, Тюмени, Новониколаевске городские думы высказались за реформу городского самоуправления и введение земства в регионе. Так, в декабре 1916 г. Тюменская городская дума заявила: «Лозунг “Все для войны, а потом внутреннее устройство страны”, принятый Государственной думой, – лозунг правильный, нужны внутренние реформы». Муниципалитеты Восточной Сибири присоединились к требованию Прогрессивного блока о создании правительства народного доверия. В частности, гласные Минусинской городской думы в августе 1915 г. приняли резолюцию,

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916. Д. 20. Ч. 27. Л. Б. Л. 24.

предлагающую «тесное единение всех общественных сил, которое возможно только при коренном изменении общего направления внутренней политики и создании правительства, пользующегося доверием нации...» [9, с. 367].

Самодержавная власть рассматривала муниципальные образования как составную часть органов местного государственного управления, особенностью которых являлось проявление общественной инициативы и самофинансирование. В ситуации Первой мировой войны происходит усложнение и увеличение численности управленческих структур городских управ, и начинается сращивание государственного и муниципального аппаратов, завершившееся уже в советское время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы. Томск, 2012.
2. Бердников Л.П., Лонина С.Л. Два века красноярского самоуправления. История и современность (1822–1917). Красноярск, 2003.
3. Сибирские и тобольские губернаторы. Тюмень, 2000.
4. Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008.
5. Палин А.В. Томское губернское управление (1895–1917 гг.): структура, компетенция, администрация. Кемерово, 2004.
6. Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008.
7. Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. 200 лет на страже порядка: Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск, 2002.
8. Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы). Омск, 2010.
9. Чудаков О.В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск, 2013.
10. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX–начала XX века. Новосибирск, 2006.
11. Новониколаевск–Новосибирск: от поселкового старосты до мэра: Биографический справочник. Новосибирск, 2003.
12. Городское самоуправление в Иркутске: 220 лет. Иркутск, 2008.

Статья поступила
в редакцию 16.01.2014

УДК 94(47).083

Н.В. СУРЖИКОВА

ПЕРЕПИСЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ: ПРИЧИНЫ, УСЛОВИЯ, ИТОГИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

канд. ист. наук,
Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург
e-mail: snvplus@mail.ru

Статья посвящена проблеме учета военнопленных Первой мировой войны в России и их переписи 1917 г., которая рассматривается на материалах Пермской губернии. По мысли автора, необходимость проведения регистрации пленнных во всероссийском масштабе диктовалась не просто «дефектами» их учета. Причиной расплывчатости количественных характеристик российского плена прежде всего стал присущий ему полицентризм. Стремительная интеграция пленных в производственные процессы привела к тому, что уже в 1915 г. отвоєвавшиеся вражеские военнопленные были размещены в 891 месте, из которых только 317 рассматривались как «места постоянного водворения» и только 68 как лагеря. Здесь учет пленников еще хоть как-то проводился, чего нельзя сказать о местах их трудового использования. Пленные часто поступали туда, минуя пункты постоянного водворения, к тому же они могли перемещаться с одного производственного объекта на другой. Но это было только начало. С 1916 г. строгий количественный учет пленных, а также их категоризация по возрастному, национальному, этническому, вероисповедальному и прочим признакам и вовсе превратились в недостижимую мечту. Ее осуществлению препятствовала ожесточенная «битва за пленных», развернувшаяся в стране между промышленностью и сельским хозяйством. К середине 1917 г. всякие наличные реестры пленных иностранцев в России уже никак не отражали ни их общей численности, ни их состава, ни актуальной географии плена. Для проведения переписи пленных, призванной решить эти проблемы, был разработан целый пакет документов, породивший, однако, другую проблему. Она состояла в том, что военные власти явно переусердствовали, превратив перспективную систему учета военнопленных в настолько громоздкую, что она тут же обнаружила свою бесперспективность. Впрочем, даже если бы масштабная акция по регистрации военнопленных благополучно состоялась по всей стране, собранные сведения все равно потребовали бы некоторого времени для обработки, которого организаторы переписи оказались лишены в связи с политическими событиями конца 1917 г. Таким обра-

*Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.».